

Таким же киевским легендарным событием является спасение из вод Днепра «утопшего отрочати», очутившегося невредимым на запертых снаружи полатах киевской Софии, под иконой Николы Доброго. Наконец, последнее «посмертное чудо» Николы было особенно любимо на Руси и вошло позже в энциклопедический свод русского средневекового эпоса — Макарьевские Четыри-Минеи. В нем исключенный константинопольским патриархом за незнатное происхождение из числа святых «смердович» Никола чудесным образом спасает патриарха во время бури на Средиземном море, иронически произносит: «ци смердович скор в помощех». Вместе с соответствующим ему на правом поле «поставлением в епископы» эти клейма, занимающие в иконе особенно важное место (они помещены на уровне головы Николы), посвящены прославлению роли епископа, апофеозом которой является средник. Форма клейм, широких на верхнем и нижнем полях и удлинённых на боковых, соответствует пропорциям средника. Композиция их, просторных и немногочисленных, созвучна эпической величавости средника. Подобно припеву в народной поэзии, характеристика персонажей повторяется. Таковы одинаковые движения монаха на первом и втором клеймах, епископа — на четвертом и пятом, Николы — на шестом и четырнадцатом. Позы и жесты фигур, выступающих среди подобия кулис, образуемых зданиями и скалами, торжественны и медлительны. Они гармонически дополняют колористическое решение памятника. В нем еще сильно чувствуется иссякавшее в то время искусство Киевской Руси.

Что же значил в представлении людей древней Руси этот образ? По видимому, еще в первой половине XIV в. подобная икона Николы делается героиней «Повести о Николе Зарайском».¹¹ «Повесть» начинается в легендарной Корсуни, в том идеализированном месте, куда относили все необычайное, отдавая дань еще живому в то время традиционному восхищению культурой Византии.¹²

Предположить, что Корсунь имела реальное историческое значение, трудно: в краткой и, вероятно, древней редакции святцев, а также проложной редакции, опубликованных Д. С. Лихачевым, о Корсуни говорится в самой общей форме. Возможно, что корсунский эпизод был подробно разработан именно в первой половине XVI в., в соответствии с общими тенденциями повестей этого времени. Однако для решения корсунского вопроса необходимо было бы сопоставить памятники Херсонеса конца XII—начала XIII в. с широко популяризировавшимися «корсунскими святынями» Руси. Раскрытие и изучение «корсунских» памятников Владимира, Москвы и Новгорода не обнаруживает между ними тесного стили-

¹¹ А. С. Орлов. Героические темы древней русской литературы. М., 1945, стр. 107—111; В. Л. Комарович. К литературной истории повести о Николе Зарайском. ТОДРА, т. V, М., 1947, стр. 57—74; Д. С. Лихачев. Повесть о Николе Зарайском (тексты). ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 257—405.

¹² И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. V, 1897, стр. 27 («корсунское было почти равнозначно архаическому»); А. Соболевский. Два слова о корсунских предметах. Труды Новгородского церковно-археологического общества, т. I, Новгород, 1914, стр. 59—66; М. Н. Сперанский. Корсунское чудо Кузьмы и Демьяна. — ИОРЯС, 1928, т. 1, стр. 362—375; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 762. В XIII в. и позже корсунскими чаще всего назывались памятники, имеющие отношение к киевской художественной культуре. Интерес к корсунским предметам Н. П. Кондаков связывает со сказаниями, стремящимися соединить историю Московского государства со всемирной историей, особенно популярными в первой половине XVI в. (см.: Н. П. Кондаков. Русская икона, III, 1. Прага, 1931, стр. 178). Н. И. Петров, с другой точки зрения, также связывает Зарайскую икону с Киевом (см.: Сказание о перенесении образа св. Николая Зарайского из Корсуни через Ригу в Зарайск в 1224—1225 гг. Труды X Археологического съезда в Риге, 1896, т. I, стр. 220—228).